

Небесное, злодея

Автор:

Макс Фрай

НебеСное, злодея

Макс Фрай

Третья часть головокружительной погони за ускользающим смыслом бытия, начало которой подробно описано в остросюжетных триллерах «Няпиздинг сэнсэе» и «Наперсники синея». Кровавые следы полуночных озарений, леденящее дыхание сансары, ослепительное сияние человеческой глупости, неприглядные сцены насилия над невежеством с участием детей и домашних животных.

Бездна, которая всматривается в нас, становится все глубже и смеется над нами все громче. Ну и мы за компанию с ней.

Макс Фрай

НебеСное, злодея

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Спасибо читателям

Марии Рожновой и Але Чистовой

за неоценимую помощь в выборе названия этой книги.

А

Аддамсы навсегда

На столе рассыпью лежат упаковки с отрезанными пальцами (из магазина Tiger, если что). Входит, скажем так, свидетель. Изумленно разглядывает натюрморт. Адресует мне вопросительный взгляд.

Я /умильно улыбаясь/:

- Это подарки детям!

Андриамбахуака середины острова

Днем на улице примерно +29, очень пасмурно и так влажно, что воздух при ходьбе невольно начинаешь разводить руками в стороны, как мокрые занавески, чтобы не мешал. Сегодня до меня вдруг дошло, на что это похоже. Павильон Масоала в Цюрихском зоопарке, где воспроизведен кусочек Мадагаскара! Там было точно так же серо, тепло и влажно, порхали и бегали мадагаскарские птицы удивительного дизайна, а где-нибудь в зарослях чего-нибудь особо

экзотического наверняка прятался андриамбахуака середины острова. Туристам не показывался, и правильно, не царское это дело. Но я-то знаю, что он всегда там.

Андриамбахуака в мальгашском фольклоре – герой. Не обязательно культурный. Просто герой. Может быть правителем, но может и не быть. Любой, с кем происходит что-нибудь интересное, – андриамбахуака! Когда андриамбахуака – правитель, непременно выясняется, что бывает андриамбахуака севера, андриамбахуака юга, андриамбахуака запада, андриамбахуака востока и андриамбахуака середины острова, он всегда самый крутой. Думаю, это потому, что у него нет выхода к морю и он очень зол.

Так вот, у нас тут теперь Мадагаскар, поэтому цветущие флоксы я официально объявляю тропической зеленью, а поспевшую как раз алычу – тропическим фруктом. Я этот тропический фрукт постоянно ем, подбирая с травы, вместе с тропическими же микробами, что мне от них сделается. Подумаешь – микробы! Я их, несомненно, победю, я – андриамбахуака середины нашего острова, умеренно культурный герой, самый крутой, потому что у меня нет выхода к морю, и в связи с этим я постоянно пребываю в ярости, одновременно погибая от любви ко всему живому (живому, повторяю, только живому, это важно), особенно по ночам, когда в наших тропических зарослях истошно вопят цикады, а с севера, юга, востока и запада не менее истошно пахнет морем, цветущими флоксами и сырой от недавнего дождя землей.

Апажопе?

Не люблю рассуждать о каких бы то ни было поступках в терминах «греха», но если и есть на свете страшный смертный (самоубийственный, в первую очередь) грех, то это послушание. Зло /т. е. все, что способствует примату материи над духом – вот вам и определение, живите теперь с ним/ рождается по разным причинам, но размножается всегда послушанием. Только им.

Ясно, что послушание не следует путать с добровольным согласием соблюдать те или иные правила. Ну, то есть мне ясно, а кому нет – ничем не могу помочь. Зато могу подсказать, как отличить одно от другого. В основе послушания всегда страх; часто он кажется корыстью, но корысть и есть страх – нормальный страх животного остаться без корма.

Апостолы

Друг А. вернулся из Афин, куда ездил готовить выставку. Рассказывает:

– Представляешь, моего куратора зовут Апостол. И поэтому все мои разговоры с другими участниками и звонки домой начинались с фразы: «Апостол сказал...»

– И что тебе говорил Апостол?

– Обычно ничего особенного не говорил. Молчал и доброжелательно улыбался. Оживлялся только когда я предлагал пойти купить вина.

– Слушай, ну все правильно. Настоящие апостолы такие и были. Молчали, улыбались и оживлялись, когда Иисус предлагал купить вина. Он часто небось вино покупал, вот апостолы и держались поближе. Так и влипли в историю. Пьющая молодежь часто так влипает!

Атеизм

На самом деле т. н. «атеизм» не имеет никакого отношения к убеждениям и воззрениям (которые, в норме еще и меняются сколько-то раз за жизнь). «Атеизм» – это просто способность вообразить/допустить конечность духа (и сознания, как его части). И согласие это принять.

Неспособность допустить такое безобразие выводит носителя из рядов атеистов, как бы он сам на эту тему ни рассуждал. Наше мнение по каким бы то ни было

вопросам и так-то имеет исчезающе малое значение, а уж в этом вопросе – абсолютный ноль.

(Вообразить/допустить и при этом не принять – отдельная интересная штука, провоцирующая яростное жизнелюбие, безумие, склонность к суициду или философским штудиям, у кого на что ляжет и как пойдет. Мой, кстати, вариант, я вообще что угодно могу допустить и вообразить в подробностях, но соглашаюсь крайне мало с чем. Еще чего – соглашаться.)

Б

Белое пальто

– Ходи осторожно, там очень скользко. И слякоть.

– Скользко и слякоть? Ладно, надену белое пальто.

– И чем тебе это поможет?

– Ну слушай. Не могу же я упасть в белом пальто в грязную слякоть. Значит, и не упаду.

Большинству

Большинству людей (бессознательно) кажется, что вещи (имущество) дают им силу; это неосознанное ощущение лежит в фундаменте психологии/идеологии потребительства, и совершенно неважно, что там наверху, в проговариваемом слое.

Штука в том, что на деле все ровно наоборот, обладание вещами – это всегда расход внимания, а значит и энергии, которая затрачивается на эту работу. И это мы еще не лезем в дебри, в смысле, не разбираем, как выглядит процесс неосознаваемой охраны этого золота нибелунгов, и за счет чего гуляет отправленный на эту работу внутренний дракон, и чем бы он мог заниматься, если бы не вся эта херотень.

(С деньгами обычно получается иначе, они все-таки эквивалент возможностей, сами по себе ресурс, поэтому их проще заставить работать на высвобождение внимания и прочей энергии; самый элементарный пример – снижение тревожности. Вещи тоже можно заставить действовать таким образом, сознательно заменив опцию «обладание» опцией «использование», но это для многих неподъемный труд, потому что начать думать иначе недостаточно, надо начать иначе бессознательно ощущать.)

Брови

Мой папа умел шевелить бровями. В смысле, поднимать их по очереди, то левую, то правую. Не просто иронично заламывать бровь, а ритмично ими подергивать – раз-два, раз-два. Очень долго.

Кроме того, папа умел шевелить ушами, но уши впечатляли меня меньше.

Папа постоянно меня дразнил: «А ты так не умеешь!» Все остальные люди вокруг тоже так не умели, но им и не хотелось. А мне – да. Из всех искусств важнейшим казалась мне в ту пору эта пляска бровей. Папа учить меня отказывался. Ну, то есть как – отказывался. Говорил: «Смотри на меня и учись». А как тут научишься? Я и сейчас всякими обучающими видеороликами пользоваться не могу. Мне надо, чтобы объяснили словами последовательность действий, лучше устно, читать инструкции я тоже не люблю, но даже они лучше видео, как по мне.

...Шли годы. Мы с папой практически состарились, особенно я: мне исполнилось уже целых восемь лет. Но умения шевелить бровями прожитые годы не принесли. Близился бесславный конец.

И тут папу отправили в санаторий, кажется, лечить ревматизм. А, может быть, просто так, по армейской разнарядке, пришел его черед наслаждаться отдыхом. Папа уехал на целый месяц, а у меня с горя немедленно созрел коварный план: научиться шевелить бровями самостоятельно. Чтобы его удивить.

Странно, кстати, что идея научиться самостоятельно не пришла мне в голову раньше. Видимо, пока папа был рядом, у меня оставалась тайная надежда, что он однажды все-таки сообщит мне секрет управления бровями. Надежда такого рода обычно парализует волю, по крайней мере, мою.

А тут – все, потенциальный учитель уехал почти навеки, не оставив тайного манускрипта с инструкцией, рассчитывать можно только на себя.

Техника обучения у меня была очень простая: изо всех сил прижимаешь одну бровь рукой, а потом пытаешься поднять обе одновременно – уж это-то могут все. Фишка тут в том, что прижатая бровь поднимается с большим усилием, и в этот момент ощущаешь, какая именно мышца (группа мышц) приводит бровь в движение. Запомнив это ощущение, потом пытаешься напрягать именно эту мышцу (группу мышц). И дело, как ни удивительно, быстро идет на лад.

...Месяца мне хватило с лихвой. Первое, что увидел папа, вернувшись из санатория – мою вздернутую бровь. А потом вторую. Раз-два, раз-два. Как он на меня смотрел! Такого блистательного триумфа у меня никогда прежде не было. Наверное, уже и не будет, во всяком случае, вообразить, при каких обстоятельствах получилось бы снова испытать это чувство, я пока не могу.

Что касается умения шевелить бровями – самого удивительного и бесполезного из моих навыков – оно по-прежнему при мне. Иногда я использую его, чтобы развеселить сидящего напротив в городском транспорте ребенка, но в

городском транспорте я езжу, будем честны, нечасто. Раз пять – шесть в год.

Быстрый набор

Быстрый набор (личной, внутренней) силы всегда дает старт параду личных слабостей. Того, что называют «пороками», «недостатками», «страстями» и как только не. Важно, что по сути они являются просто привычными способами быстро, с удовольствием и без всякой пользы потратить силу. И все.

В результате мы получаем нелепую картину: усердные посетители студий йоги и курсов медитации (я смеюсь, но вообще для современного европейского человека все эти восточные баловства – самая распространенная причина очень быстрого набора силы, хотя бывают и другие пути) – так вот, всякие хорошие люди, занявшиеся правильным делом с более чем понятной целью, вдруг становятся слезливыми истериками, агрессивными крикунами (а то и драчунами), безмозглыми хвастунами, идейными казановами, домашними тиранами и прочим неинтересным говном.

Я помню, как один мой друг никак не мог поверить в такой неожиданный эффект, и буквально через пару дней после разговора мы с ним вместе сходили на пробные занятия по цигуну, а на обратной дороге натурально поцапались на ровном месте, обсуждая оптимальную технологию выноса из машины цветочных горшков; к счастью, вовремя сообразили, что вот же он, пример из жизни! – и поржали над собой.

Это, кстати, ответ на вопрос: что с этим делать? А вот то и делать: вовремя сообразить, что происходит, и поржать над собой. Я говорю «поржать» не потому, что у меня чувство юмора, его у меня как раз почти нет. А потому, что смех создает дистанцию (обозначает предварительно созданную дистанцию) между собой и собой, а когда дистанция есть, происходящее довольно легко взять под контроль. Парад пороков – дело хорошее, но он не состоится, если не отдаст приказ самый главный генерал. То есть сознание.

Ну а потом оно само отвалится, и тогда хорошо заживем.

В

В городе Берлине, в городе Одессе

В городе Берлине от моего дома до станции электрички Карлсхорст надо было идти пятнадцать минут по улице Рейн-Штейн-Штрассе, то есть Рейновских камней, действительно вымощенной мелкими камешками и застроенной невысокими частными домишками; в палисадниках всегда что-нибудь цвело, в кустах дежурили садовые гномы, по вечнозеленой траве бродили похожие на садовых гномов старички и старушки с граблями. Они говорили по-немецки, как настоящие.

Во дворе Дома Холостяков, где было общежитие для несемейных офицеров ГСВГ, был не только палисадник, но и пруд, в пруду плавали толстые красные рыбы. С тех пор я знаю, что холостяки – высшая каста человечества, избранный народ.

Другой избранный народ – это монголы, я точно знаю, на нашей улице жил монгольский посол. Посол и его жена носили национальные наряды, все вот это атласное, сверкающее, расшитое каким-то немислимым золотом. У каждого пятилетнего ребенка должен быть сосед монгольский посол, это помогает потом пережить все экзистенциальные кризисы, сколько бы их ни было.

Возле станции электрички Карлсхорст был киоск с сосисками. Ясно, что нет, не было и не будет в мире еды вкусней. Сосиска в булке стоила одну гэдээровскую марку. Одну марку стоил и билет в кино на детский сеанс, можно было выпросить ее у родителей, но в кино не ходить, а купить сосиску в булке. Мы так довольно часто делали, с тех пор я не гурман и не синефил. О чем не жалею.

В городе Одессе, куда мы приехали из Берлина навсегда (это слово постоянно повторяли родители), было море, но, кстати, не было никакого специального «одесского юмора». По-моему, «одесский юмор» – это какой-то странный искусственно созданный миф. Ну или все одесситы, завидев меня, сразу переставали шутить. Но это же как тщательно надо было готовить заговор! От меня особо не уберешься, я люблю много ходить и неожиданно высказывать из-за углов.

Мне сперва не нравилось жить в Одессе, потому что там не было ни садовых гномов, ни сосисок в булке, ни монголов, ни даже холостяков (а если были, то очень хорошо от меня прятались, видимо, вместе с юмористами). Но потом в школе на уроке литературы рассказали, что в Одессу однажды отправили в ссылку великого поэта Пушкина, и меня здорово попустило. Приятно знать, что страдаешь не в одиночку, а за компанию с Пушкиным. Вполне можно жить. Правда Пушкин спрятался от меня лучше всех: умер, оставив вместо себя памятник, а с памятником о невзгодах жизни ссыльных не поговоришь.

В городе нынче темно

В городе нынче темно; не то чтобы вовсе нет света, но гораздо, гораздо меньше, чем мы привыкли. Фонари прикрутили; их хватает на то, чтобы сиять в темноте, но мало-мальски освещать все вокруг им уже не под силу.

То ли авария какая, то ли город перешел на режим экономии, то ли реальность, в которой по ночам в Старом городе было оранжево светло, сменилась реальностью, где царит оранжевая тьма. Последняя версия больше всех похожа на правду: на Швенто Стяпано в очередной раз меняются лавки, почти все стоят с закрытыми ставнями, а это верный признак, на моей памяти такая масштабная смена городской реальности происходит в шестой, что ли, раз.

В последней версии города мне нравилось резкое увеличение числа чудесных дружелюбных, zalюбленных по самые уши собак и кафе «Теобромин» на Швенто Микалояус. И еще что-то, но собаки и Теобромин – самое главное, давайте их оставим, пожалуйста, дорогие ответственные за зыбкость реальности. В остальном, как всегда, полностью полагаюсь на вас.

В доме нашелся блокнот

В доме нашелся блокнот с единственной записью (сделанной не помню когда и зачем):

Я никого не приведу за ручку в условный рай. Я и себя вряд ли туда приведу. Если я что и могу, так это иногда оказываться рядом в те моменты, когда идущему (тому, для кого важно ощущать себя не просто барахтающимся, а идущим) становится одиноко.

«Становится одиноко» в моих устах означает состояние острого сомнения на тему: «наверное, я просто дурак, и никакого пути нет вовсе». Ясно, что эта разновидность одиночества хорошо мне знакома; ясно и то, что способность поставить вопрос таким образом сближает как мало что. Замечательно тут, что опровергнуть чужие сомнения гораздо легче, чем собственные; иногда достаточно просто (деятельного и качественного) присутствия; впрочем, ценности хорошего диалога никто не отменял.

Тот самый случай, когда минус на минус дает великолепный плюс; арифметика – все же великая наука, на любой случай заранее заготовила простые решения. Никогда не устану удивляться, насколько все эти правила из учебников для начальной школы про нас.

* * *

Мне кажется, это довольно точное наблюдение о необходимости внешних опор (и качестве внешних опор, которые действительно необходимы).

В наилучшие моменты

В наилучшие моменты жизни, вот как сейчас, когда белоснежный автобус везет меня из одного прекрасного города в другой прекрасный город, мне становится как-то особенно очевидно, что – вы как хотите, а я уже давно болтаюсь в своем персональном аду; за какой эвридикой меня сюда занесло, неведомо. Но обратной дороги я не помню.

Эти ваши черные пашни, эти ваши деревенские дома, где гасят свет до полуночи, эти ваши сияющие пустые пространства вокруг бензоколонок, эти ваши пограничные заставы, этот ваш поворот луны на ущерб – что это, зачем, кто велел? Уберите.

У меня дома не так. Все не так. Вообще все.

У нас свет по ночам в каждом окне, даже если хозяйева спят, все равно ставят фонари на подоконники, для красоты и удобства прохожих. У нас не бывает пограничных пунктов, потому что всяк ходит, где хочет, попробуй останови – улетит к черту. И документов тоже не бывает, потому что и так ясно, кто есть кто, достаточно просто в глаза поглядеть. А если проницательности не хватает, можно спросить, вам скажут. Никто не станет скрывать такой пустяк как имя, которое все равно ведь практически на лбу, практически огненными скрижалями про-ца-ра-па-но. И луна у нас не бывает ущербной, она всегда растет, вырасти никак не может, и правильно, какие ее годы?

Где я вообще? Как меня сюда занесло? Здесь кто-то еще из наших есть? Как будем выбираться?

Вот почти всегда настигает меня в дороге такое настроение. Поэтому я очень люблю ездить. Полезно бывает прийти в себя, хотя бы ненадолго.

Эвридика, давай, найди меня, позвони, пора домой, оживать.

В последние годы

В последние годы я то и дело говорю себе: стоп, внимание, замри, успокойся, посмотри, запомни: все, что с тобой происходит, это и есть счастье. Оно здесь – такое. И ощущается – так. Не говори потом, что не было, что обделили, не долили, не показали.

Чего-о-о-о? – озадаченно переспрашивает организм. Чешет левой пяткой в затылке четырнадцатой слева (же) головы и снова заводит свою шарманку: УУУУУУУУ! Да ты чего? Какое может быть «счастье»? Мне для него еще вон то надо! И чтобы вот этого не было! А потом бежать вот туда! И сразу обратно! И подпрыгнуть вот так!

Он (организм) у меня удивительный дурак. Но на то и дана ему умная голова, чтобы занудно констатировать с интенсивностью одна констатация в минуту: да, это счастье. Не только минувшее лето и текущая золотая осень, не только прогулки, разговоры и восхитительный космос, то и дело по-кошачьи бодающий тебя в бедро, не только кофе на улице и ледяной солнечный ветер, а вообще все, что происходит вот прямо сейчас.

Великодушие как инструмент познания мира

Без великодушия к другим инструментам познания лучше вообще не подходить. Толку не будет.

Потому что познание неизбежно приводит нас к тому, что мир велик, разнообразен и местами (поначалу кажется, что местами, на самом деле конечно же целиком) непостижим. И ладно бы весь мир, но и его отдельные детали, в том числе всякие человеческие существа, снующие вокруг, тоже бывают непостижимы – настолько, что не вмещаются в познающего, каким бы огромным и мудрым он себе ни казался. И все, что с этим можно сделать – разрешить им (миру в целом и его фрагментам) такими быть. И не париться, что ты, получается, мельче и проще. Мельче так мельче, проще так проще, подумаешь,

пусть, тем более, что игра еще в самом разгаре, да и никакой измерялки на самом-то деле нет. Даже если кажется, будто есть. Особенно если кажется.

...Великодушие, во-первых, один из вернейших признаков силы, без (внутренней) силы великодушия нет, только готовность идти на уступки ради самосохранения, а это совсем не то.

Но одной силы, конечно, недостаточно. Великодушие базируется обычно на такой особой разновидности самодовольства, то есть довольства собой, которая на самом деле благодарность бытию за возможность быть его частью на любых условиях. Ну или ладно, почти на любых. Но в пакет обязательных условий всегда входит невозможность объять, понять, объяснить и поместить в себя все наблюдаемое. И когда эта невозможность вызывает у нас скорее ликование, чем злость, нас можно поздравить, сколько-то великодушия в нас уже есть.

/Хорошо бы однажды, когда будет время, объяснить на наглядных примерах, как великодушный дает внутреннее разрешение быть всему сложному, непонятному и по каким-то важным для него самого критериям «лучшему», чем он сам. И как отсутствие великодушия приводит к так называемому скепсису, который в руках невеликодушного становится инструментом не познания, а убийства, если не познаваемого материала (часто все же, слава богу, руки коротки), то способной к познанию части себя. Но, может, и так понятно? Хорошо, если да./

Веритас

Одно из самых нелепых заблуждений т. н. человечества – представление о существовании т. н. истины. Незыблемой и сияющей, по каждому важному вопросу, начиная с правильного способа разделки туши убиенного врага и заканчивая традиционной расстановкой ударений в предпоследней строчке хулительной скорбной песни на его похоронах.

С ума сошли. Какая может быть истина, если даже на вашем пальто сегодня четыре пуговицы (и вы точно помните, что всегда было четыре, и все вокруг помнят, свидетелей – жопой жри). А завтра на вашем пальто будет три пуговицы и не потому, что одна оторвалась, петель тоже только три, всегда так было, вы это точно помните, и ваши родные-близкие, и сосед-портной, помогавший его перешить после того, как у вас в январе начало расти новое щупальце, а вы говорите, истина, чокнуться с вами можно.

Вечер

Вечер; какая-то гора текущих дел сделана, осталась другая гора, и надо бы дойти до машины, заехать в магазин, отвезти покупки домой, где как раз поджидает эта самая другая гора, но вместо этого я поворачиваю совсем в другую сторону и иду вниз с холма по улице, усыпанной листьями и окутанной дымом, до самого бульвара Вокечю, где у меня сегодня нет дел, не назначено ни одной встречи, я даже кофе, смешно сказать, не хочу, но все равно останавливаюсь у «Кофеина», потому что здесь можно сидеть и смотреть на идущих мимо пятничных гуляк, окутанных ласковой темнотой и так удачно подсвеченных оранжевыми фонарями, что сразу видно: никого прекрасней нет на земле, чем мы, простые виленские обыватели вечером пятницы; пятница, тьма и последняя ночь сентября, теплая, как августовская, нам к лицу.

Потом я пойду дальше. Скорее всего, не назад, к машине, а просто куда-нибудь. В любимом, то есть, направлении.

Город смотрит на мои хаотические передвижения с сочувственным интересом: ты чего? У тебя же дела.

– У меня дела, – соглашаюсь я, – и самое главное из моих дел быть в твоём сердце, держаться за твоё сердце, знать всем телом, всем своим существом: где оно, там и я.

– Жжош! – ухмыляется город. – Ладно, жги дальше, понимаю, пятница, вечер, когда еще нам с тобой быть идиотами, если не прямо сейчас.

И врубают колонки на полную мощность, а в колонках у нас, известное дело, как всегда колокола. И ветер, и плеск фонтана, и далекий, почти несбывшийся чаячий крик.

Виленский август

Виленский август невыносим; в смысле, он прекрасен так, что вынести это практически невозможно, но я как-то держусь, даже не знаю, как, потому что все бы ладно, но обоняние никто не отменял, и вот заходишь из теплого солнечного двора в непобедимо холодный сырой подъезд, а там пахнет газировкой с сиропом «крюшон» из автомата, из лета тысяча девятьсот семьдесят пятого года, невозможный в данном контексте, но победительно очевидный запах далекого необязательного лета моего детства, примерно такого же необязательного – могло быть, а могло и не быть, никакого особого смысла в нем нет, а в запахе газировки с сиропом «крюшон» из автомата почему-то есть – концентрация смысла, тройной, четверной, на сколько монеток хватило, смысл.

В августе каждый жаркий день – последний; даже если не последний, последний все равно – в том смысле, что вполне может оказаться последним, один из жарких августовских дней непременно оказывается последним, рано или поздно он наступает, это знают все, но лучше всех – старухи, выставившие на продажу букеты мелких пестрых осенних астр. Кому знать, как не им.

В августе каждая теплая ночь пахнет подгнившими морскими водорослями, не речными, а именно морскими, несложно отличить. Августовскую ночь надо стремительно пересекать по диагонали, в майке и шортах; это не значит, что из дома непременно следует выходить, надев шорты, просто любая одежда становится майкой и шортами, пока пересекаешь по диагонали темную августовскую ночь.

Августовский дождь проливается на голову так внезапно, словно на небесах опрокинули ведро, прятаться от него под зонтом и даже под навесом бессмысленно, потому что настоящий августовский дождь – это море, которое ежегодно приходит в наш город, просто не плещется, как положено, горизонтально, а стоит вертикальной стеной; мне всегда хотелось, чтобы море стояло стеной, перпендикулярно земле, – вспоминаю я, – и вода, стекающая по моему лицу, становится соленой, в это никто никогда не поверит, даже я, но зачем мне вера, когда вкус соли – вот он, дан мне в ощущениях, достоверных и недоказуемых, как все, хоть сколько-нибудь похожее на правду.

Вот и виленский август невыносим настолько, что почти невозможен, недоказуем, но дан нам в достоверных ощущениях, а значит, может быть, все-таки есть.

Виленский покерфейс

На стене соседнего дома написали: «Наша жизнь это вечный Вильнюсский покер», – и всякий раз, проходя мимо, я мысленно вношу поправку: «вечный виленский покерфейс».

(Написанная на стене фраза – цитата из романа Ричардаса Гавялиса «Вильнюсский покер»; у нас тут сейчас новая граффити-мода: книжные цитаты на стенах и тротуарах писать. Не то чтобы это такая уж важная информация, но мой внутренний бюрократ Баскервилей будет страшно выть на болотах, если я не сделаю сноску. Ну или в холмах, ему все равно, где страшно выть.)

Виленский покерфейс – это такое отдельное прекрасное явление, чтобы врубиться в него, надо довольно долго здесь прожить, но при этом сохранить свежесть стороннего взгляда, не провалиться в здешнюю жизнь с головой, голову, на которой как раз удачно выросли глаза, уши и нос, обязательно надо оставить снаружи. И тогда начинаешь видеть всю эту нашу смешную и милую, всем ветрам открытую городскую жизнь как первый выход свежепоналетевшего инопланетянина на работу в районную библиотеку, куда его заранее устроили

для прикрытия. Одет по моде столетней давности (пока летел, кое-что изменилось), уши зеленые, пара щупалец торчит из-под полы сюртука, но держится невозмутимо, всем своим видом показывает: я – обыкновенный, такой как все. И сила его покерфейса такова, что многие граждане сразу верят. Игнорируют цвет ушей и изгибы щупалец, то есть натурально не видят. Подтверждают: да, совершенно обыкновенный. Сам так сказал!

А некоторые другие граждане, конечно, не верят. Обычно те, которые сами всю жизнь лепят такой покерфейс, вполне успешно, судя по тому, что все еще живы, несмотря на зеленые уши и это вечное дурацкое щупальце, торчащее из-под полы.

А некоторые третьи граждане все прекрасно видят: и уши, и щупальца, и неуместный сюртук. Но как-то сразу невольно соглашаются: да, конечно, это действительно норма! И ликуют потом: какая же нынче, оказывается, прекрасная норма! А иногда даже ухитряются привести к этой норме себя и, что особенно поразительно, всю свою жизнь. Это, надо думать, и есть виленский флеш-рояль.

Власть над миром

На улице Пилес у меня в плеере заиграла «Talijanska» Бреговича, и какой-то пьяный старик вдруг начал плясать, так точно попадая в такт, что меня взяло сомнение – не играет ли эта музыка и на улице тоже? Такие совпадения бывают, и я их люблю.

Выключаю плеер, снимаю один наушник. На улице никакой музыки нет, а пьяный старик вдруг обрывает свой танец, останавливается и начинает растерянно оглядываться по сторонам.

Из чего можно сделать два вывода. Во-первых, власть над миром у меня уже есть. А во-вторых, она вот такая.

И, собственно, все.

Внимание!

Внимание! Мою жизнь проживает специально обученное существо. Не пытайтесь повторить это в домашних условиях.

Вода из кувшина

Вода из кувшина в «Кофеине» сегодня пахнет, как вода из питьевого фонтанчика летом на пляже; я не знаю, как описать этот запах: жесткая пресная вода плюс камень, плюс немножко металл, плюс контраст прохлады с теплом, который одновременно запах? Ну вот как-то так.

Потрясающий запах, жаль, парфюмерам его вряд ли удастся воспроизвести.

(Вся отпущенная мне Создателем сентиментальность компактно размещается в носу, факт.)

Водка

Начать надо с того, что дело было давно, году примерно в восемьдесят пятом, может быть, шестом. Но точно не позже. В ту пору мы с ближайшим другом пристрастились ходить в кино на утренние сеансы. Дело даже не в том, что билеты на первый сеанс стоили настолько дешево, что необходимую сумму можно было собрать на паре трамвайных или троллейбусных остановок: люди в то время часто теряли мелочь, а теперь почему-то не теряют. Наверняка этому есть какое-нибудь разумное объяснение, но я его не знаю.

Но нас привлекала не цена билета, а то, что на утренний сеанс можно было пойти после бессонной ночи. Бессонной у нас тогда была каждая ночь. Мы работали художниками-авангардистами; как сейчас сказали бы, волонтерили. В смысле, не зарабатывали вообще ни черта. Но в мире, где люди исправно теряют мелочь на остановках городского транспорта, это не беда.

...Так вот, на утренние сеансы мы ходили, чтобы посмотреть кино в измененном состоянии сознания. Бессонница – самый дешевый психоделик; подозреваю, не самый полезный для здоровья, но что теперь локти кусать. Зато кинофильмы нам показывали прекрасные. Мировой кинематограф расцветал в наших сознаниях дивным ядовитым цветком. Некоторые фильмы мы потом пересматривали; естественно, некоторых (самых лучших, конечно же) эпизодов там не оказалось. На этих местах мы, надо думать, просто ненадолго проваливались в сон.

Но все это сейчас не очень важно. Просто приятно вспомнить. Кстати, в городе Одессе был кинотеатр имени Котовского (привет автору воспоминаний о Грише). Там был балкон, на балконе все курили, как в Америке какой. И никто оттуда курильщиков не гонял. Еще и не такие чудеса случались в годы моей юности, а у вас, балбесов, только фейсбук с инстаграмом, кхе-кхе.

Впрочем, в тот день, к которому рассказчик в моем лице столь неспешно подбирается, мы ходили не в кинотеатр Котовского, а в какой-то другой. На улице Карла Маркса, ныне Екатерининской, а как он назывался, не помню, хоть убей. В этом кинотеатре показывали фильм «Ва-банк», и мы так впечатлились, что даже в ИСС не впали. Жалко было бы пропустить эпизод. Вместо этого, напротив, неожиданно взбодрились, особенно когда наши под предводительством Квинто с Датчанином победили, и все стали хорошо жить.

...Из кинотеатра мы вышли бодрой пружинистой походкой и пошли ко мне домой, где намеревались лечь и проспать до обеда, как обычно проделывали в подобных случаях. Но сна не было ни в одном глазу. Хотелось срочно ограбить банк, на худой конец, просто музыки и цветов. В самом крайнем случае, выпить водки за успех Квинто, который мы всем сердцем считали и своим тоже. Некоторые хорошие фильмы (и книги) дают такой эффект: зритель (читатель)

чувствует, что добро в лице главгероя победило, потому что он так хорошо, усердно смотрел (читал). А если бы не старался, трындец котенку. В смысле, был бы печальный финал.

(А когда мы смотрели «Тельму и Луизу», наоборот, чувствовали, что как-то недостаточно постарались. Вот девчонки и не вырулили из неприятностей. С «Бонни и Клайдом» такая же беда.)

Ну, в общем. Отметить успех нам хотелось, а выпивки в доме не было. В этом моем доме вообще никогда ни черта не было, пока кто-нибудь не принесет. А тут не принесли.

Тогда мы совершили очень странный поступок (не только с нашей сегодняшней точки зрения странный, мы и тогда понимали, что делаем полную ерунду). Мы взяли пустую бутылку из-под водки, оставшуюся от каких-то очень давних гостей, наполнили ее водой из-под крана, взяли маленькие водочные рюмочки и сели бухать.

Мы оказались такими слабаками, что даже не допили эту бутылку. Примерно половины хватило, чтобы ужраться в хлам. «Это потому что на голодный желудок», – авторитетно говорил потом мой друг, который сам наливал в эту чертову бутылку воду из-под крана. То есть никаких иллюзий насчет содержимого бутылки у нас не было. Тем не менее мы как миленькие опьянели от этой воды из водочной бутылки и уснули пьяные – можно было бы сказать, под столом, но вместо стола у нас тогда был этюдник, под ним особо не развалишься, так что не стану врать, все-таки не под столом. Но совсем рядом с ним.

Похмелья у нас потом правда не было. Но у нас его тогда практически ни от чего не было, за исключением совсем уж жуткого шмурдяка под названием «Солнце в бокале». Сходными свойствами обладало вино «Аромат степу» и еще что-то, уже не помню. Все-таки самые страшные воспоминания мое сознание умеет вытеснять.

Воистину каштан

Дней десять назад, возвращаясь домой глубокой ночью, нашли на траве у подъезда отломанную ветку каштана с характерной крупной почкой, забрали домой, сунули в бутылку с водой и только на следующий день увидели, что почка раздавлена, почти в лепешку сплющена чьим-то тяжелым ботинком, ну или не ботинком, но больше всего похоже, что на нее наступил крупный взрослый человек.

Хотели выкинуть ветку, но не стали, заметив пару совсем мелких, даже не начавших набухать почек внизу – вдруг они распустятся. На самом деле, просто из упрямства оставили. Не хотелось чувствовать себя подслеповатыми дураками, которые приволокли в дом негодную мертвую ветку. А напротив, хотелось торжества жизни вопреки всему.

Несколько дней ветка молча стояла в воде, обдумывая ситуацию. А потом раздавленная в лепешку почка снова обрела объем и принялась распускаться. Теперь из бутылки с водой заодно торчит растопыренная каштановая пятерня, а те мелкие почки, которые стали формальным поводом дать ветке шанс, понемногу набухают и зеленеют.

В моей жизни было великое множество добрых знаков (как и в жизни любого человека, дающего себе труд обращать внимание на диалог, который постоянно ведет с нами реальность). Но этот каштановый, наверное, один из самых желанных, потому что он – о торжестве жизни из одного только упрямства, иными словами, о созидательной воле, которая превышает веры, надежды и их вечного антагониста – здравого смысла, то есть превышает вообще всего.

Вопросы теософии

Сплетничали о знакомых; внезапно пришли к выводу, что, если бы Бог зачем-нибудь решил воплотиться среди людей вотпрямщас с целью создания очередной актуальной для текущего периода секты, Ему (чтобы без читерства) пришлось бы родиться девочкой из так называемой хорошей семьи на постсоветском пространстве. И тогда к 33-м годам Он научился бы не красить (не всегда красить) ногти, а возможно (шансов мало, но все-таки Бог, Он талантливый) показывать средний палец в ответ на каждое пятое или даже второе (совершенно немыслимо, но повторяю, все-таки Бог) требование т. н. социума.

P.S.

Мне тут подсказывают: а ближе к пятидесяти (ладно, с учетом Божественных способностей, к сорока) перестал бы чувствовать Себя виноватым; на этом месте со скрипом отворяются заржавевшие райские врата.

Вот и сижу

Возвращаться в город после недельного отсутствия, по моим наблюдениям, приятней, чем после, к примеру, трехдневного. Ну, это как с кошками – попробуй уйти на полдня, вернувшись, обогатишь свой лексикон матерным кошачьим. А после долгой разлуки только смотрят умильно, трутся и бодаются. И тщательно фиксируют потом твое спящее тело, просыпаешься, одна кошка лежит на руке, вторая придавила обе ноги и мурлычут ласковым дуэтом – небось не сбежишь теперь!

С городом та же фигня, за неделю он, во-первых, перестает сердиться на твой побег от него, такого прекрасного. Во-вторых, успеваешь соскучиться. А в-третьих, начать беспокоиться: а вдруг ты не вернешься никогда? А может быть, тебя вообще нет и никогда не было? И как же теперь, и что? АААААААААА!

И тут ты так – оп-па! – спускаешься с неба, в смысле, выходишь из самолета, влача за собой чемодан: эй, я тут! И город выдыхает: нуславатебегоспади, нашлась пропажа. А счастливая пропажа стоит на пороге зала прилета,

тарашась на звездное небо над своей головой, вдыхает аромат мокрого грибного леса и морского ветра, который живет тут у нас нелегалом, без прописки, в смысле, без намека на море, а все равно не покидает нас.

А потом в честь твоего возвращения отменяют земное притяжение; ладно, не отменяют, просто прикручивают до какого-нибудь лунного, можно ходить по улицам, не касаясь земли, все привыкли уже, что это просто такое выражение «ходить, не касаясь земли», но когда неосторожно наступив в лужу чего-то липкого, похожего одновременно на половую краску и растопленный шоколад, задираешь ногу, чтобы оценить ущерб, нанесенный кедам, подошвы пострадавших ослепительно, девственно белы, вот вам и «просто такое выражение», впрочем, ладно, кто же в такое поверит, я тоже не очень-то верю, хотя кеды – вот они, в прихожей стоят.

А потом едешь в машине, останавливаешься у перекрестка без «зебры», чтобы пропустить двух прохожих, и один приветственно машет тебе рукой, а второй вполне внятно произносит: «Йох! Унлах!» Это вообще-то на кунхе. А кунхе – вымышленный язык. (Теоретически, эту фразу могут знать читатели «Гнезд химер», но йолки же ж все равно).

А еще потом бежишь, сокращая путь, через скверик на улице Пилимо, в прошлом засиженный алкашами, а потому не особо любимый до сих пор, и вдруг обнаруживаешь, что под ногами у тебя сверкают серебристые звезды, целые сотни маленьких серебристых звезд вперемешку с палой листвой.

В моем детстве такие серебристые звезды иногда появлялись в магазинах перед Новым годом в пакетиках по десять штук, вместе с елочными игрушками и прочей мишурой. На кончиках лучей у них были дырочки, теоретически, можно продеть нитку и повесить на елку; родители их никогда не покупали, считали слишком мелкими, на мои просьбы купить хотя бы один пакетик звезд, отвечали: объясни, зачем они тебе? Объяснений у меня не было, вернее, было одно практически невербальное: это же звездыЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ!

Не прокатило.

Теперь я знаю, зачем мне были нужны те звезды: чтобы высыпать их на землю под ноги всем, кто случайно пройдет мимо. Это вообще-то моя работа: звезды кому попало под ноги кидать, пусть сами разбираются, как с этим жить. Но сегодня «кто попало» – это у нас я. Счастливейшее из ктопопал.

– Вот елки, – говорю я вслух. А что тут еще скажешь. И иду дальше, громко думая: «Как же я тебя люблю». И город мой стоит, конечно, довольный собой, как слон после клизмы. И я тоже, как тот самый слон. Как сто вконец обалдевших от собственного офонарения слонов. Или даже как двести.

Это что получается, ты меня так сильно любишь? – почти сердито думаю я потом, сидя на балконе и разглядывая серебристую звезду, прихваченную с собой как бы в качестве вещественного доказательства, а на самом деле из сентиментальных соображений. – Я тебя вообще-то тоже, но это нормально, люди часто любят города. А наоборот – это все-таки перебор. Это ты, дорогой друг, погорячился. Люди, между прочим, относительно недолго живут. Гораздо меньше, чем города. А иногда еще переезжают. В силу, например, обстоятельств. И чего тогда?

Да какая разница, чего будет когда-нибудь тогда, – почти сердито думает город. – Здесь, сейчас ты сидишь на своем балконе. Кофе пьешь, звезду в руках вертишь. Вот и сиди.

Все, к чему я прикасаюсь

Все, к чему я прикасаюсь, превращается в золото... и это золото тут же с хрюканьем разбегается.

Вся власть сознанию

Чтобы получить возможность осмысленно работать с материалом, данным нам в ощущениях и именуемом бытием, следует понимать вот что: т. н. личность – это

просто набор первоочередных реакций тела и сознания на поступающие извне сигналы. Все. Мы (т. е. наши – бессмертные, между прочим – сознания) у этого набора томимся в плену. И зачастую (вообще-то, по умолчанию) не отличаем себя от себя, т. е. осознание от реакции. И, в итоге, не можем даже познакомиться с собой, не то что пощупать. Такие дела.

Почему собственно так важно выстраивать дистанцию между собой и собой (т. е. приучать себя к паузе между поступлением внешнего сигнала и первой реакцией на него – причем не ответным поступком, а внутренней реакцией, какова бы она ни была). Во-первых, паузу держит не личность, а сознание. Разрывая таким образом оковы личности на краткий миг. Во-вторых, именно тот, кто держит паузу, принимает решение, что делать дальше. Он может выбрать реакцию, отличную от привычной. И сделать, таким образом, весомый вклад в смену личности. Менять которую, собственно, надо не потому, что бывают «плохие» и «хорошие» личности, и нам надо добыть себе получше. Оно, конечно, так, всегда приятно иметь ситуативно удобную в каждом конкретном случае личность, но это не первоочередная задача. Первоочередная задача – взять власть в свои руки (в руки сознания). Кто в доме хозяин, того и тапки, а вместо тапок у нас – весь мир.

Для такого поведения, конечно, надо дохрена сил и внимания; лично у меня уходит чуть ли не вообще все. Но этот вклад имеет смысл делать. В отличие от любых других вкладов он – бессрочный, в небесный банк. Потому что пока мы держим паузу и меняем фигуры на внутреннем поле, мы бессмертны. А остальное время, извините, нет.

Г

Гости

Гости, правильные гости, которые не просто глядят, но и видят – вот что требуется этому городу.

И нам, конечно.

Расплатились сполна за капучино и горячий шоколад, выгребли всю мелочь из карманов, отдали чернокожему литовскому официанту, лишь бы не ждать сдачи еще целых три минуты, не терять драгоценное время и – на старт, внимание, марш, чтобы урвать последние лоскутки сумеречного дневного света.

И не зря.

В начале пути нас приветствовал черный пес. Внимательно глядел на нас с другого берега, пока мы шли по мосту. Решил, что можно пропускать. Ну и правильно решил.

Пока сумерки были жемчужно-серыми, мы пересекли Ужупис, пришли на распутье, где лежит камень с надписью «fuck», как раз для богатырей вроде нас. В одну сторону пойдешь, ужупского сфинкса увидишь, в другую пойдешь – придешь на холм, под которым согласно городским сплетням спит и видит про нас сны князь Гедиминас, в третью сторону пойдешь – ничего не случится, кроме автомобильной заправки, скучной, как сама европейская цивилизация. А вот если скажешь: «fuck», – да и повернешь назад, вот тогда будет самое то.

Мы так и сделали, понятно.

И попали за подкладку.

Про подкладку надо бы разъяснить отдельно.

Если представить себе город в виде пальто с карманами, легко предположить, что в карманах со временем появляются дырки. И всякая разумная крошка, семечка или монетка, сумевшая разыскать дырку, может провалиться внутрь, за подкладку, где темно, холодно и пустынно, зато и не съест никто – проверено

опытным путем.

Когда мы оказались на ледяной лестнице и принялись с нее падать, потому что у нас самые скользкие в мире сапоги, как бы специально созданные добрыми, но смешливыми божевами для таких прогулок, у меня зазвонил телефон. А если совсем честно, оба телефона моих зазвонили, один за другим.

«Ой, – говорю (два раза), – привет! Как ты вовремя! Мы тут как раз с ледяной лестницы падаем!»

Собеседники мои остались довольны таким обстоятельством. Оба, что характерно. Меня окружают великие люди.

...Зато с ледяной лестницы мы все-таки окончательно провалились за подкладку.

Заподкладка была похожа на задний двор замка Снежной Королевы. То есть там были в беспорядке свалены кучами все ненужные (и, судя по виду, позапрошлогодние) снега и льды. По замерзшему пруду пешком ходили две утки. Кажется, они злонамеренно передразнивали нашу походку – по льду иначе как враскоряку не походишь, а ходить нам очень хотелось.

Ну и вот.

Над головами у нас тем временем кружили птицы. Сотни птиц. Но вопреки последней воле культового режиссера Хичкока, птицы не обращали на нас никакого внимания. У птиц были маневры, учения, посвященные, как я понимаю, спортивному ориентированию в синих сумерках. Птицы справлялись отлично, все бы так.

Вскарabкавшись на ледяной холм, мы пошли дальше. И увидели белого лохматого пса. Белый пес был чрезвычайно дружелюбен, и сразу стало ясно, что прогулка наша понемногу подходит к концу, а ночью пойдет снег.

«Теперь, – говорю своей спутнице, – я, пожалуй, воспользуюсь твоей беспомощностью и отведу тебя на Очень Страшную Улицу».

Спутница моя сказала, что поскольку ей не нужно нынче вечером идти в магазин за рыбой, Очень Страшная Улица – это самый лучший маршрут.

Только не спрашивайте меня, при чем тут рыба. Я тоже не знаю. Я просто молча преклоняюсь перед недоступной мне божественной логикой. И вам советую.

Очень Страшная Улица Швенто Двасес была прекрасна, как всегда. Но тоже скована льдом. Впрочем, к этому моменту мы уже привыкли ходить по льду, а тут еще и за стену держаться можно – красота. В конце Очень Страшной Улицы мы встретили женщину-вампира с острыми клыками и смоляными кудрями до плеч. Женщина-вампир был пьяна до изумления.

Почуввав во мне надежду и опору, женщина-вампир спросила: «Я тут не упаду?»

«Нет, – говорю, – если за стенку держаться будете».

Пьяная женщина-вампир поблагодарила меня нечленораздельными междометиями и пошла дальше.

«Слушай, а у нее были клыки», – меланхолично заметила моя спутница. И только тогда до меня дошло, что клыки – это не совсем нормально. Все-таки виленская жизнь быстро изменяет базовые представления о норме.

Потом Очень Страшная Улица сразу закончилась, мы выбрались из-за подкладки, вышли к Вратам Зари и пошли заводить мою машину, чтобы ехать за захер-тортом в венское кафе. Лед, кстати, тоже закончился, как и не было.

А потом, ближе к ночи, когда торт был съеден, а все припасенные на сегодня слова сказаны, пошел снег.

Границы

– У меня прекрасно простроены границы. Я никогда даже мысленно не вмешиваюсь в чужие дела. Например, что происходит на Марсе, меня не касается. Прикинь, меня не парит даже Марс в двух шагах отсюда. В двух сраных шагах!

Грибы

– Это что?! Это, считается, что гроза?! Да какая в жопу гроза, оно же пахнет...

– Мужиками.

– Точно. Мужиками, которые вместо того чтобы лишний раз помыться, полились одеколонами... я даже не знаю, какими. Какие нашли, такими и полились. Какой самый ужасный был при советской власти? Ну, например, тройной... Вот им.

/минуту спустя/

– Так-так-так. Слушай, мужики помылись! И кажется успели получить высшее гуманитарное образование. И сели читать Сар... Нет, пардон, не Сартра. Они сели читать Камю.

– И грибы...

– Какие грибы?! Ай, слушай, действительно. Почитали Камю и пошли по грибы. И уже пришли! Одни грибы теперь вокруг.

.../еще минуту спустя/

– По-моему, вообще одни грибы остались.

– Да. Но эти грибы тоже читают Камю. Собрались толпой и читают. Друг другу через шляпку заглядывают. И со всех краев леса читатели Камю так и прут. В очередь записываются на чтение Камю.

/еще минуточку спустя/

– Теперь ясно, что случается с грибами от чтения Камю. Они превращаются в эльфов!

– В ванильные плюшки.

– Точно. В эльфов с ванильными плюшками. Они уже даже Камю не читают, а садятся с этой ванилью пить чай. На бывшей грибной поляне. Чай такой... эээ... бывший грибной. Теперь уже ванильный. И эльфы уже не эльфы, а двенадцатилетние девочки. У них волосы розовые и бирюзовые, пастельные такие. И ванильные плюшки везде. И чай. Вот до чего вонючих мужиков высшее гуманитарное образование доводит. Вот про что эта «Гроза».

/Мы приносим благодарность компании Demeter (Fragrance Library) за предоставленный аромат Thunderstorm, гуманитарному образованию – за Камю, одеколону «Тройной» – за наше счастливое детство, эльфам – за ваниль, Пушкину – за вонючих мужиков, грибам – за грибы. Оставайтесь с нами./

Д

Две луковицы

Две луковицы, чуть ли не месяц пролежавшие в туго завязанном пакете, в темном шкафу, вопреки всему пустили стрелки, сочные, тугие, зеленые, как будто все это время простояли на солнце в банке с водой, только очень

кудрявые, скрученные тугими спиральями от тесноты. Думаю, из них можно наделать если не даосских пилюль бессмертия, то, по крайней мере, таблеток, развивающих волю к жизни до таких масштабов, что пропивший полный профилактический курс сможет выжить среди цветущих на Марсе яблонь или даже, чем черт не шутит, среди людей.

Но мы не наделаем никаких пилюль, сами все съедим. Мы – мрачные мизантропы.

Дома

Дома вышла из строя газовая колонка, которая нас греет (потом вошла в строй, но как-то криво и неохотно).

Камин стал пускать в комнату жирные клубы дыма.

На пол упали две чашки, мыло и много бессмысленных мелочей.

В подъезде вообще крематорий, не знаю уж, что там соседи поймали и жарили. И думать об этом не хочу.

Решили поглядеть в лунный календарь: что ж за день такой прекрасный?

В лунном календаре написано, что день действительно прекрасный и благоприятен для всего. Ну, то есть вообще для всего.

Ну, тогда понятно.

Тогда да.

Дошло

Дошло, на что похожи эти дурацкие ноябрьские сумерки в четыре и полная темнота в пять.

Это как будто юные боги остались одни дома без взрослых и тут же выключили свет. И ну баловаться. Целоваться по углам, жечь свечи и страшные байки травить.

Вот почему, оказывается, я так люблю эту нелепую, необъяснимо рано наступающую темноту.

Дым

Дымом в городе пахнет так, что это уже не запах, а крик. Скорее, впрочем, блаженства, чем отчаяния. И ночи такие теплые, словно виленские жители и правда протопили не только свои квартирки и домики, а весь наш сентябрь.

В соседнем доме появилась студия танго; строго говоря, она просто приснилась другу Н., но оказалась цепкой и осталась по эту сторону бытия. В студии танго огромные окна, невозможно не останавливаться и не глазеть.

Сегодня там танцевали, вернее, репетировали два мальчика (дяденьки, на самом деле, но про танцующих грех так говорить); тот, что танцевал за партнершу, был натурально профи, партнер его, то есть тот, кто вел в танце, старался, но опыта ему явно не хватало. Но оба во время танца переставали быть мальчиками (тем более дяденьками) и становились просто танцующими существами, принявшими форму людей.

Это было невообразимо красиво, и про все сразу, то есть и про танец как таковой, и про суть обучения, и про то, чем становятся люди, целиком захваченные делом, и заодно, конечно, цитата из моего рассказа, в этом смысле я очень счастливый автор, реальность часто цитирует меня в моем же присутствии, так мне везет.

В городе, меж тем, по-прежнему пахнет дымом, и я не плачу от нежности только потому, что столько, сколько ее есть, мне не наплакать. А всякое дело следует делать хорошо, ну или вовсе не начинать.

Е

Еда и любовь

Маленькая Белая Кошка знает, что еду можно заслужить любовью. Проголодавшись, она приходит ко мне как опытная дама полусвета к пожилому любовнику: «Тебя зацеловать насмерть, или сразу шубу купишь?» В смысле, ластится, тычется носом, мурчит, лезет на руки и вообще заполняет собой всю мою жизнь. Поначалу это всегда приятно, но рано или поздно хочется заняться чем-то еще кроме кошки, а такой возможности нет: кошка натурально ВЕЗДЕ. Способов избавиться от нее всего два: или рявкнуть (не люблю, не практикую), или выдать-таки жратву.

Наевшись, Маленькая Белая Кошка на несколько часов утрачивает интерес к таинственному чуду любви.

Котовская, котенок, ластится, тычется носом, мурчит, лезет не за еду, а просто так. Потому что ей внезапно Захотелось Любви. Или стало скучно. Или сон страшный приснился, бывает и так. В маленькую твердую голову Котовской, котенка не вмещается сложная мысль, что можно торговать любовью за еду.

Проголодавшись, Котовская, котенок просто идет к своей миске (в то место, где с утра была миска). Обнаружив, что еды там нет, она громко орет – не столько выпрашивая еду, сколько от ужаса и возмущения. Нет еды! Как такое вообще может быть?!

Вопли продолжают до появления еды в миске. Ну или пока Котовская, котенок не уснет, где стояла, задолбавшись орать.

Есть такое почти неопишное, но явственно опознаваемое усилие

Есть такое почти неопишное, но явственно опознаваемое усилие: оставаться в живых. Что-то среднее между постоянным осознанием себя живым существом и неспешного, трудного подъема (по крайней мере, это движение ощущается именно как подъем) по сияющей линии собственной жизни. Плюс усилие воспринимать эту линию как очень прочный, надежный трос. Тяжелая, но очень благодарная работа. Дающая, как минимум, восхитительную иллюзию, что с этой дискотеки тебя не выпрут, танцуй сколько влезет, пока не надоеет.

Ж

Жаворонки никогда

Хорошо вставать в семь утра! К десяти (тоже утра) дела уже закончены, а к четырнадцати (утра, разумеется) закончена и жизнь. В смысле, встаешь перед выбором: застрелиться или лечь спать.

З

Зачет

Что касается наших залюбленных собаченек, котиков и прочей домашней живности, включая хомяков.

Все эти совершенно бесполезные звери, от которых в городских условиях только лишние хлопоты и расходы – чуть ли не лучшее, что можно сказать о современном цивилизованном человечестве, непробиваемый аргумент защиты на условном Страшном Суде.

Потому что наевшись, согревшись и разместив жопы по относительно безопасным углам, некоторая часть ц.ч. начала оглядываться по сторонам в поисках объектов бескорыстной любви. Ключевое слово «бескорыстной». Что может быть бесполезней пса в городской квартире? Только кот. Ну или хомяк. Они разорительно жрут, утомительно гадят, регулярно требуют дорогих медицинских услуг; собаки за это преданно смотрят в глаза, котики мурчат, что делают хомяки, я не знаю, но с точки зрения практичного человека, все это не окупает вложений. Наши вложения окупает только тот факт, что мы любим их – просто так.

Детская книжка про Незнайку в Солнечном Городе начинается с того, что Незнайка встречает волшебника и просит волшебную палочку. Ему отвечают, что волшебную палочку можно получить только если совершить три хороших поступка подряд. После чего Незнайка начинает натурально месячник благотворительности, но палочку ему не дают. Объясняют: ты же не просто так совершал все эти поступки, а ради подарка. А это не считается, надо – просто так. И бедняга скисает, потому что – ну а как же не думать, ради чего все делаешь, когда уже знаешь, что можешь получить подарок? Как об этом не вспоминать?

Удивительно, но Незнайка эту волшебную палочку в итоге все-таки получил, потому что был довольно добрым сказочным персонажем, и некоторые прекрасные поступки совершал естественным образом, даже не обдумывая, хороши они или нет.

Вот так и мы со своими котиньками и собаченьками (и хомяками, разумеется, как же без хомяков) вовсе не хотим продемонстрировать миру хорошее поведение, а

просто любим их, потому что не любить вот это абсолютно бессмысленное с практической точки зрения, бесполезное в хозяйстве теплое и живое решительно невозможно. И возмись с ними не ради раздачи волшебных палочек, которых, разумеется, не бывает, а просто от избытка любви, зачем-то вырабатываемой сердцем. Абсолютно бескорыстной любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/nebesnoe-zlodeya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)